

ФРАНЧЕСКА СКАНАКАПРА

*Возвращение
в Парадизо*

Перевод с английского

Анастасии Наумовой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С42

RETURN TO PARADISO by FRANCESCA SCANACAPRA

Copyright © 2021 by Francesca Scanacapra

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского АНАСТАСИИ НАУМОВОЙ
Редактор Анна Плонская

Оформление обложки ЕЛЕНА СЕРГЕЕВОЙ

Франческа Сканакапра

С42 Возвращение в Парадизо: Роман / Пер. с англ. А. Наумовой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 320 с.

«Возвращение в Парадизо» — вторая книга трилогии про небольшой городок в Ломбардии и Грациэллу, которая родилась и выросла в старом доме, который все называют «Парадизо». Мировая война осталась позади, Италия постепенно начинает возрождаться после разрушений и трагедий прошлого, на глухую итальянскую провинцию стремительно наступает технический прогресс — телефоны и электроприборы, бытовые удобства, все это кажется обитателям «Парадизо» невиданной роскошью. Жизнь Грациэллы протекает под заботливой опекой вдовы-матери и тети, но она уже почти взрослая девушка. Первая любовь пробуждает в ней чувственность и преобразует знакомый мир. Книга рассказывает о взрослении Грациэллы: о ее первом опыте любви и утрат, о надеждах и страхах, с которыми она сталкивается на пороге взрослой жизни. Ее личная история тесно переплетается с масштабными переменами в Италии, ослаблением влияния Католической церкви и эмансипацией женщин. Роман наполнен чувствами — от нежной полудетской любви до глубоких переживаний и трагедий, очень эмоционально насыщенная книга с яркой и обаятельной героиней, за судьбу которой невозможно не переживать.

ISBN 978-5-907943-07-0

© Анастасия Наумова, перевод, 2025
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2026

ГЛАВА I

Пьеве-Санта-Клара, Ломбардия

23 октября 1950

Заря нового десятилетия вселила в нас оптимизм. Продуктовые карточки и тяготы войны наконец-то остались в прошлом, и Италию закрутило в центрифуге Экономического чуда.

Эпоха потребления наращивала темп, стирая различия между насущной необходимостью и роскошью. Ушлые продавцы повадились заглядывать в каждый дом в нашей деревне, размахивая глянцевыми каталогами, — предлагали самые разные новинки, без которых «никак не обойтись», начиная от кухонной утвари и сельскохозяйственных инструментов и заканчивая мебелью и одеждой, причем все это в рассрочку, за вполне приемлемые деньги. Ассортимент бытовой техники и всяческих приспособлений превосходил самые смелые фантазии.

— Грациэлла, ты только взгляни! — воскликнула как-то мама. — Электрическая открывашка! Вот

нелепица-то! Кому вообще захочется тратить электричество на то, чтобы банку открыть?

Для мамы электрическая открывашка стала символом того, что новшества проникли слишком уж глубоко, и все-таки даже мама заразилась потребительской лихорадкой. Тщательно все взвесив — на раздумья ушло несколько недель, — мама заказала набор противней, хотя пользоваться ими начала, лишь выплатив полную стоимость, а случилось это целых шесть месяцев спустя.

Летом 1950 года вдоль Северной дороги вкопали телеграфные столбы, и моя тетя оплатила установку телефонной линии. Телефон появился на деревенской почте еще до войны, но когда мы обзавелись своим собственным, нам стало казаться, будто «Парадизо» связали сразу с целым миром.

— Теперь, Мина, звони хоть президенту, если захочешь! — восхитилась Ада Поззетти, которая привела целую ватагу маленьких Поззетти полюбоваться чудесами современной связи. Один из близнецов, совершенно потеряв голову от восторга, поинтересовался, можно ли позвонить Господу.

Впрочем, первый звонок дзиа Мина сделала не президенту и не Господу Богу, а своей приемной матери Иммаколате Огли, экономке в доме священника дона Амброджио.

Тетя не знала, надо ли убирать палец с диска после каждой цифры, и поэтому далеко не с первого раза набрала номер правильно. Когда она все-таки дозвонилась, разговор занял меньше минуты. Все это время дзиа Мина и Иммаколата по очереди спрашивали друг дружку, хорошо ли слышно,

и изумлялись, получив утвердительный ответ. Обе они так кричали в трубку, что наверняка услышали бы соседницу, просто открыв окно.

В деревне кипела жизнь и гудел новый транспорт. Мимо нашего дома с ревом проносились «веспы» и «ламбретты», оставляя после себя запах выхлопов. На некоторых мотоциклах умещались целые семьи: детей пристраивали сзади или на коленях у родителей.

Луиджи Поззетти расширил мастерскую и закупил современное оборудование, но завывания электропил и ровный гул станков для строгания древесины нам не мешали — все эти звуки напоминали о наступивших наконец процветании, мире и благополучии. Поззетти даже прикупил бывший военный грузовичок. Он выкрасил его в желтый и стал возить в нем заказы и растущую семью.

У дороги по-прежнему красовалась доска с рекламой овощей, которые выращивала дзиа Мина. Сальваторе продавал их на рынке, и овощи были нарасхват, так что теперь дзиа Мина официально наняла его на работу и платила зарплату.

Огороднические успехи позволили тете приобрести подержанную стиральную машинку. Пользовались ей явно больше двадцати лет, но и мама, и тетя души в ней не чаяли. Разумеется, до современных стиральных машин — автоматических, куда ты просто загружаешь белье, а потом достаете чистое — ей было далеко, за ней приходилось постоянно следить. К тому же во время отжима машинка прыгала туда-сюда, поэтому Поззетти

привинтил к полу пару деревянных брусков, чтобы ее утихомирить.

Стиральная машинка была не единственным новым удобством. Наконец-то у нас с мамой появилась собственная уборная прямо в доме. Под нее переоборудовали часть постирочной, где установили настоящий унитаз со смывом.

Работы у мамы было хоть отбавляй. Ее так завалили заказами, что из-за разложенных на столе простыней и скатертей нам приходилось обедать, теснясь в уголке стола. Впрочем, маме огромное количество вышивки было не в тягость, и она непременно благодарила заказчиков за возможность поработать. Каждая простыня, скатерть или носовой платок словно добавляли ей уверенности в себе.

Мама знала цену деньгам, относилась к ним со всей щепетильностью и гордилась тем, что не зависит от вдовьего пособия. Она даже учебники мне покупала без посторонней помощи.

Каждую неделю она вела подсчет расходам и доходам, раскладывая по разным конвертам монеты и банкноты. В одном конверте — деньги на еду, в другом — на дрова, в третьем — на оплату счетов. Отдельная жестяная банка предназначалась для расходов на вышивание.

Мама наконец начала рассказывать об отце, причем о том, каким он был до несчастного случая. Она словно намеренно умалчивала о тех днях, когда его мучила болезнь, желая запомнить того здорового, деятельного мужчину, которого когда-то полюбила. Так мама созидала собственные «ка-

менные воспоминания». Благодаря ее историям и папиным шуткам, которые мама, смеясь, с восторгом пересказывала мне, я увидела папу совсем в новом свете. Я дополнила свои воспоминания мамиными.

Каждое воскресенье мама покупала в церкви свечку за сто лир в память о папе. Зажигая фитилек, мама нежно улыбалась, целовала себе пальцы и бережно, осторожно ставила свечку в церковный подсвечник.

За шесть лет, прошедших с конца войны, стоимость денег существенно изменилась. Теперь за день рабочему платили от полутора до двух тысяч лир, в зависимости от навыков, и я с грустью смотрела, как мама кладет в ящик для пожертвований целых сто лир, ведь прежде ровно во столько оценивался целый день папиного труда.

Когда я не училась и не помогала по дому, я все время проводила с Джанфранческо. Поля и сады, на многие акры раскинувшиеся вокруг «Кашины Маркезини», стали тайным миром, который хранил секреты наших игр и поцелуев. Матери считали, что мы с Джанфранческо всего лишь друзья, и мы оба боялись, что узнай они о поцелуях, нам бы запретили видеться.

По папе я по-прежнему тосковала, хоть и не так, как раньше. Вот бы он увидел, как все изменилось, мечтала я. И посмотрел, какие у меня хорошие отметки. А еще мне, конечно же, хотелось, чтобы и ему достались чудеса послевоенного мира.

В молитвах я постоянно к нему обращалась — на самом деле с папой я разговаривала чаще, чем

с Богом. Молиться Господу казалось мне бессмысленным: что толку, если мои ничтожные желания Он все равно не заметит? Ясно же, что Господь занят миллионами других молитв, поважнее моей. Папа — дело другое. Он всегда рядом, в любую секунду, и никого важнее меня у него нет. Даже в церкви по воскресеньям я не молилась Богу, а разговаривала с папой. Грех это или нет, я не знала и на всякий случай не спрашивала — вдруг это все же сочтут грехом и велют мне прекратить такие разговоры.

Церковь я вообще недолюбливала. Воскресная школа мне раньше нравилась, потому что там мы слушали всякие библейские истории, но ее я переросла, а сидеть на церковной службе всегда считала занятием занудным и утомительным. Повторять одно и то же неделя за неделей было так скучно, что я то и дело втягивала щеки, чтобы удержаться от зевоты. Регулярно исповедуясь, я, однако же, признавалась лишь в самых невинных своих грехах. Изливать душу дону Амброджио мне не хотелось, а уж признаваться ему в том, как мы с Джанфранческо втайне целуемся, — и подавно.

— Почему ты в церковь не ходишь? — спросила я Джанфранческо.

— Потому что мне нечего делать в церкви. Я агностик.

— Это кто?

— Тот, кто отказался от религиозных убеждений. Я ставлю под сомнение саму концепцию религии и вообще не уверен, что Бог существует.

Что некоторые люди в Бога не верят, я была в курсе, но на своем веку таких еще не встречала.

Иногда дон Амброджио возносил молитвы за тех, кто отступился от веры. Хотя мое общение с Богом тоже оставляло желать лучшего, в Его существовании я все-таки не сомневалась. Все, кого я знала, верили в Бога — вряд ли же каждый из них ошибается?

— Агностиком я стал, потому что существование Бога не доказано, — заявил Джанфранческо. — Пока только агностиком — жаль, что мне недостает решимости стать атеистом, как мой отец.

Я задумалась, а потом спросила:

— А если Бог все-таки есть, ты не боишься Его разозлить своим неверием?

Джанфранческо рассмеялся.

— Вообще не боюсь! — без раздумий ответил он. — Если Бог есть — а я не говорю, что Его точно нет, — тогда Он или Она хотят лишь одного: чтобы я был хорошим человеком. Но в чем я уверен, так это в том, что хорошему человеку совершенно не требуются церковные ритуалы и догмы. На самом деле они ему даже мешают. А католическая концепция исповеди, когда любой, даже очень серьезный грех можно искупить, просто рассказав о нем священнику, — идея крайне сомнительная.

— Иногда на исповеди я что-нибудь выдумываю, — призналась я, — всякие мелочи. Например, что я пожадничала или мало молилась.

— То есть ты врешь исповеднику? Тогда какой смысл тебе вообще исповедоваться?

- Про нас я на исповеди ни разу не говорила. Джанфранческо озадаченно взглянул на меня:
- В смысле — про нас?
- Ну, мы же целуемся.
- И ты полагаешь, что священнику непременно надо об этом знать?
- Вообще-то это грех.
- Джанфранческо фыркнул.
- А что, разве кто-то страдает, когда мы целуемся?
- Этим вопросом я задавалась много раз.
- Вроде нет.
- Значит, это не грех, верно? Не то же самое, что воровство или убийство.
- Рассуждал он разумно, но я растерялась.
- Тогда почему церковь считает поцелуи грехом?
- Потому что церковь может выдумать какие угодно правила, а люди все равно будут им следовать из страха перед наказанием. Если церковь запретит носить по вторникам носки, люди перестанут носить по вторникам носки. Отец говорил, что религия нужна для того, чтобы управлять людьми. И еще он говорил, что нельзя жертвовать здравым смыслом в угоду церкви. Католицизм очень мало связан с Богом. Это свод правил — и угроз, нужных для того, чтобы правила соблюдались. Просто-напросто форма управления и налогообложения, где в довесок получаешь чувство вины.
- Все эти новые, чересчур смелые заявления звучали для меня хоть и убедительно, но жутковато.

— Но, может, не так все плохо? — спросила я. — А как же рай? Это никакая не угроза. Разве ты не веришь, что твой отец сейчас там?

После смерти папы моим величайшим утешением была мысль, что он смотрит на меня с небес.

— Если мой отец где и есть, то на кладбище в Пьеве-Санта-Кларе, — отмахнулся Джанфранческо.

— А разве не приятнее представлять, что он за тобой приглядывает?

— Мне много что приятно представлять, но это не значит, что в реальности так и есть. Когда во что-то веришь, обычно подгоняешь факты так, чтобы они играли тебе на руку. Нет, я не верю, что отец приглядывает за мной с небес, а вокруг играют на арфах херувимы и ангелы, как не верю и в то, что он в аду варится в кипящей сере. Сам он все равно не верил ни в рай, ни в ад. Чтобы подчинить себе человека, церковь заманивает его раем и пугает адом, хотя у нее нет ни единого доказательства, что они существуют.

— Когда мой папа покалечился, церковь дала ему работу.

Джанфранческо посмотрел на меня, отвел взгляд и покачал головой.

— Серьезно? — спросил он.

— Ну да. Его сделали кладбищенским сторожем. А иначе он так и остался бы без работы и мы бы по миру пошли.

— Грациэллла, а как именно твой отец покалечился?

— Под ним леса рухнули.

— А что он делал перед тем, как упал?

— Чинил колокольню.

— Бесплатно? Он же был человеком набожным и не требовал денег за такую работу.

— Ну да.

— А ты не считаешь, что церковь обязана была ему помочь?

Во рту пересохло. Джанфранческо вслух говорил такое, о чем сама я едва осмеливалась подумать.

— А второй несчастный случай — он как с твоим отцом произошел? — не отступал Джанфранческо.

— Папа полез осиное гнездо снять с дома дона Амброджио.

— И церковь потом помогла твоей маме?

— Они не взяли денег за место на кладбище. Джанфранческо испытующе посмотрел на меня.

— Какое невероятное великодушие со стороны церкви! — съехидничал он.

Вечером, за ужином, я раздумывала, приходили ли те же мысли в голову маме. Та проклинала дона Амброджио, велевшего отцу сбить осиное гнездо, и даже настояла, чтобы погребальную службу проводил другой священник, но каждое воскресенье она по-прежнему ходила в церковь, а перед сном непременно молилась.

— Мама, как считаешь, разве после папиной смерти церкви не стоило сделать для нас побольше? — спросила я.

— Побольше? Ты о чем это?

— Ну, разве они не ушли от ответственности?

— Я получила пять тысяч лир от общины, — мать пожала плечами, — все лучше, чем ничего. И место на кладбище нам бесплатно предоставили.

— Но на дона Амброджио ты очень рассердилась.

— Ясное дело. Требовать от калеки, чтоб тот вскарабкался на стремянку снимать осиное гнездо, было крайне безрассудно. А со стороны твоего отца безрассудством было соглашаться. Я на них обоих злилась. Но церковь тут не виновата. Просто двое дурней приняли два дурацких решения.

— А ты никогда не сомневалась, что Бог существует?

Мать отложила вилку. Мой вопрос ее явно насторожил. Она нахмурилась и спросила:

— С чего вдруг у тебя такие мысли?

— Да мы сегодня с Джанфранческо это обсуждали. Что некоторые люди не верят в Бога.

— И он тоже так считает? Что Бога нету?

— Ну что ты, нет, конечно. Просто тема интересная, — заверила я мать, не желая ее тревожить. Лучше не упоминать ни вероотступничество, ни агностицизм.

Мама, кажется, успокоилась.

— Разумеется, Господь существует, — сказала она.

— Но откуда ты знаешь-то?

— Он у меня в сердце, я это чувствую, как все добрые христиане.